Российская история. 2013-2023

ISSN 0869--5687

URL - <http://russian-history.ru>

Все права защищены

Выпуск 3 Том . 2020

От осмысления системы к реконструкции отдельной судьбы: о книге Р. Отто и Р. Келлера «Советские военнопленные в системе концлагерей»

Киселева Екатерина Львовна

Государственный архив Российской Федерации

Российская Федерация, Москва

Аннотация

Ключевые слова:

Дата публикации: 24.06.2020

Ссылка для цитирования:

Киселева Е. Л. От осмысления системы к реконструкции отдельной судьбы: о книге Р. Отто и Р. Келлера «Советские военнопленные в системе концлагерей» // Российская история. – 2020. – Выпуск 3 С. 210-217 . URL: <https://russian-history.ru/s086956870010160-7-1/>. DOI: 10.31857/S086956870010160-7

¹ 9 декабря 2019 г. в Вене при участии Посольства РФ в Австрии состоялась презентация книги историков Р. Отто и Р. Келлера. Данная монография – результат более чем 30-летней исследовательской работы авторов, в прошлом руководителей исследовательских проектов в мемориалах концлагерей и шталагов Германии, изданная при непосредственном участии и поддержке Мемориала концлагеря «Маутхаузен» (Вена). Книга посвящена трагической теме отечественной истории. Её выход в свет накануне юбилея победы в Великой Отечественной войне символичен и неслучаен.

² М.И. Семиряга – один из первых исследователей, обратившихся к теме судьбы советских военнопленных, писал: «Плен это постоянный спутник войн. Причины пленения или сдачи в плен следует искать не только в сложившейся в данный момент конкретной боевой обстановке, но и в социально-политической и моральной ситуации в стране ещё до войны. Для любого воина плен это позор и трагедия. Это не акт милосердия со стороны победителя, а право обезоруженного»¹. Вопрос о том, сколько советских солдат и офицеров оказалось в плену в годы Второй мировой войны, остаётся одним из самых дискуссионных².

³ Будучи в советское время практически «запретной», сегодня тема плена имеет обширную историографию. В числе серьёзных обобщающих исследований, вышедших на русском языке, следует назвать работу П.М. Поляна, чьи труды по теме издавались и в Германии³, а также книгу историка и публициста из Израиля А. Шнеера⁴. Благодаря этим авторам увидел свет и документальный сборник, освещающий один из аспектов проблемы – трагедию Холокоста⁵.

⁴ В Германии тему начали активно изучать ещё в конце 1960-х – начале 1970-х гг.⁶ К числу основополагающих трудов относятся книга К. Штрайта⁷, а также исследование А. Штрайма⁸. Новый этап для немецкой историографии наступил в эпоху «архивной революции» начала 1990-х гг. в России. Основательно изучив к этому времени материалы собственных и американских архивов, немецкие историки обратились к «трофейным документам» из фондов Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦА МО) и Российского государственного военного архива (РГВА), собирая из различных комплексов источников, оказавшихся после войны в различных государствах и хранилищах, сюжеты из истории советского военного плена⁹. Поэтому, как справедливо отметил М.И. Ерин, они значительно опередили отечественную историографию в темпах и глубине осмысления проблемы¹⁰.

⁵ Сославшись на показания руководителя Службы вермахта по делам военнопленных (Kriegsgewangenenwesen) Г. Райнике, данные им в 1945 г. советским органам, Штрайт обратил внимание на утрату значительной части документов данного ведомства в результате бомбардировок и намеренного уничтожения. Тогда это существенно ограничило возможности исследования механизмов работы нацистской «машины смерти»¹¹. В дальнейшем немецкие исследователи подошли к проблеме иначе: приступили к изучению документальных материалов отдельных концлагерей и лагерей военнопленных, созданию баз данных их заключенных и узников¹². Появилось огромное количество исследований¹³.

⁶ Келлер и Отто первыми обратились к источниковедческому анализу учётных документов советских военнопленных, изучению вопросов их полноты и информационного потенциала¹⁴. Нельзя не упомянуть, что в 1997 г. они консультировали российских архивистов при описании учётных карточек военнопленных, хранящихся в ЦА МО (ныне размещённых в обобщённом банке данных «Мемориал»). В «раскрытии тайны» одного архивного документа, имеющего отношение к теме военного плена, помогли они и мне¹⁵.

7 Одним из главных достоинств рассматриваемой книги является то, что Отто и Келлер перешли от микроисторических исследований (на уровне отдельных сюжетов, тем и биографий) к макроисторическому анализу. Такой подход позволил им проверить результаты работы предшественников, полученные в ходе изучения других видов и групп источников, а также обозначил «белые пятна», наметив перспективы дальнейшей работы над темой.

8 Долгое время в немецкой историографии дискутировался вопрос о степени причастности вермахта к преступлениям нацизма, отголоски которой можно услышать и сейчас¹⁶. Анализируя приказы вермахта и РСХА – (Управление безопасности рейха – Reichssicherheitshauptamt), Штрайт на многочисленных примерах доказывал тесное сотрудничество армии и айнзацгрупп¹⁷. Отто и Келлер продемонстрировали взаимодействие военных и РСХА при создании системы лагерей для размещения советских военнопленных и её функционировании.

9 Как пишут исследователи, в начале октября 1941 г. верховное командование сухопутных сил вермахта (ОКВ) запланировало перевести 500 тыс. красноармейцев из лагерей военнопленных на Востоке на территорию Польши и Германии. Ещё летом по указанию рейхсфюрера СС Г. Гиммлера разработали планы ускоренного строительства огромных лагерей военнопленных СС (Kriegsgefangenenlager der SS) на территории генерал-губернаторства и сравнительно небольших рабочих лагерей СС для военнопленных в структурах почти всех концлагерей Третьего рейха. Их строительство осуществлялось силами самих военнопленных. В книге приведены сводные данные о перемещении советских военнопленных из шталагов в лагеря военнопленных в октябре 1941 г. (S. 58). Так, для строительства рабочего лагеря военнопленных СС Аушвиц–Биркенау из шталага 308 (Нойхаммер) были направлены 4 тыс. человек, а в строящийся лагерь военнопленных СС Люблин–Майданек – 1,5–2 тыс. бывших красноармейцев из шталагов 307 (Белая Подляска) и 319 (Холм).

10 Анализируя учётные документы военнопленных и переписку немецких учреждений К. Райнхард и Р. Келлер описали невыносимые условия, в которых находились военнопленные, и привели статистику смертности, в том числе полученную в результате новейших исследований (S. 48–51). Так, в Маутхаузене, согласно плану 1942 г., предусматривалась организация лагеря для военнопленных на 5 тыс. человек (10 бараков). В октябре 1941 г. по сведениям немецких источников в этот концлагерь и его филиал Гузен направили по 2 тыс. советских военнопленных. К тому времени, как работы завершились, их уже не было в живых (S. 53). Из 2 500 военнопленных, прибывших 16 октября 1941 г. в Заксенхаузен, к 1 апреля 1942 г. умерли 1 944 (S. 68). Обращая пристальное внимание на документы шталага 318 (Ламсдорф), Отто и Келлер отмечают, что предварительная проверка работоспособности и физического состояния военнопленных не проводилась. Они отправлялись в лагеря практически сразу после поступления и регистрации (S. 59).

11 Освещая сюжет «активной и пассивной политики уничтожения» советских военнопленных с октября 1941 до весны 1942 г., авторы обобщили результаты исследований по отдельным концлагерям (S. 69–79). Они отмечают, что военнопленные, поступая в лагеря СС, не теряли свой статус, по сути, оставаясь в

введении вермахта, однако учитывались по особым правилам: сохраняя за собой учётный номер, полученный в шталаге (Erkennungsmarkennummer), они получали дополнительный, который также указывался на их учётной карточке. В ней же фиксировались последующие перемещения, в том числе данные о смерти. Причём в каждом лагере существовали свои особенности учёта, что демонстрируется на примерах (S. 59–65). И хотя формально эти лагеря не имели отношения к рабочим командам шталагов, из документов следует, что концлагерь Ноенгамме считался рабочим подразделением (Arbeitskommando) № 179 шталага 310 (Винцендорф), а Аушвиц – рабочей командой № 46 шталага 308 (Нойхаммер). Внешне демонстрируя автономность, лагеря военнопленных СС должны были сообщать о своём контингенте Немецкой службе оповещения родственников погибших солдат вермахта (WASSt), которая отвечала за учёт советских военнопленных (S. 66).

¹² Авторы отмечают, что согласованность действий вермахта и РСХА прослеживается даже на уровне повседневной бумажной бюрократии. Им удалось восстановить картину систематического движения военнопленных из шталагов в лагеря СС, а также пути их перемещений по лагерям СС на территории Третьего рейха с марта 1942 по январь 1945 г. Правда, в виде таблицы в книге представлены лишь сводные данные о количестве военнопленных в концлагерях с марта 1942 по март 1944 г. На основе анализа источников авторы пришли к выводу, что значительное увеличение числа перемещений военнопленных наблюдается с мая 1943 г. В этот период основными лагерями для них выступали Бухенвальд, Заксенхаузен и Маутхаузен. Последнее перемещение военнопленных датируется 24 января 1945 г., когда в концлагерь Миттельбау–Дора поступило 250 военнопленных рабочей команды шталага 3010 (VIII C) Заган (S. 81–83).

¹³ По мнению Штрайта, обращение с советскими военнопленными соответствовало провозглашавшейся нацистами расовой теории¹⁸. Возражая тем, кто считал, что «приказ о комиссарах» от 6 июля 1941 г. так и остался на бумаге, историк с помощью детального анализа документов частей вермахта проследил его исполнение и отметил, что приказ отменили лишь весной 1942 г.¹⁹ Келлер и Отто разделяют эту точку зрения и следуют дальше в изучении проблемы. Они обращают внимание на то, что в литературе часто не видят разницы между «приказом о комиссарах», с одной стороны, и приказами РСХА, касающимися «отбора вредоносных» (Aussonderungen), с другой, говоря о «единстве по содержанию» всех этих документов. С помощью таблицы они демонстрируют различия этих документов. Если «приказ о комиссарах» касался уничтожения пленных комиссаров и политруков солдатами вермахта во фронтлагах, пересыльных лагерях и шталагах, то приказы и директива РСХА давали сотрудникам гестапо полномочия уничтожать «врагов» в шталагах, лагерях военнопленных для русских («Russenlager»)²⁰, лагерях СС для военнопленных и концлагерях (S. 115).

¹⁴ Ссылаясь на приказ вермахта от 4 октября 1941 г. о переводе военнопленных лагеря СС для работы на предприятиях этого ведомства (S. 75), исследователи подчёркивают, что военнопленных, направленных в лагеря в рамках акции «отбора» и посланных туда на работы, нельзя «объединять», поскольку, с точки зрения функционирования системы, речь шла о разных категориях пленных.

15 Реализации приказов РСХА посвящён отдельный раздел книги (S. 117–145). В число подлежащих отбору и физическому уничтожению входили «убеждённые коммунисты», евреи, представители интеллигенции, политические функционеры и офицеры, неизлечимо больные, инвалиды провокаторы, мятежники, воры. Обращаясь к некоторым воспоминаниям военнопленных, одновременно подвергая их «перекрёстной проверке» путём изучения данных лагерного учёта, авторы демонстрируют жестокость и масштабность «отбора». Тщательно и кропотливо они воссоздали схему, хронологию и статистику акции в шталагах и концлагерях. По данным исследователей, в период с августа 1941 до 31 июля 1942 г. было уничтожено свыше 33 тыс. советских военнопленных²¹. Причём в их учётных карточках истинные обстоятельства смерти, как правило, не указывались. Завершение «отбора» вовсе не означало прекращения планомерного и жестокого уничтожения военнопленных, которое лишь меняло формы. «Отобранные к уничтожению» военнопленные могли быть направлены на особо тяжёлые работы в Маутхаузен или Дахау. В этом случае они «теряли» свой статус и получали новый – заключённого. Исследование документов Маутхаузена позволило установить наличие 357 таких случаев за январь–июнь 1942 г. (S. 169).

16 Впервые исследован вопрос исполнения «приказа РСХА о побегах» (K-Befehl) от 4 марта 1944 г., подлинник которого так и не найден. Изучая историю происхождения этого документа, авторы пришли к выводу, что причины его появления связаны с отчаянными попытками вермахта и РСХА предотвратить массовые побег офицеров, ставшие с сентября 1943 г. регулярными (S. 181–183). Приведено число советских военнопленных, расстрелянных во исполнение этого приказа до 23 мая 1944 г. – около 350 человек (S. 198). Позднее совершившие побег и пойманные военнопленные (K-Häftlinge) помещались в специальный блок Маутхаузена, где были обречены на смерть. Документы учёта указывают на наличие этой категории узников и в других лагерях. Точное число советских военнопленных, которые получили такой статус, установить не удаётся – отчасти из-за «хаоса» в лагерном учёте (в том числе намеренного). По приблизительным данным источников общее число военнопленных этой категории превышало 7 тыс. (S. 200). В учётных карточках военнопленных, поступавших в WSt, появлялись записи: «бежал, не пойман», «удачный побег».

17 Реконструкция хода акции «отбора» позволяет решать конкретные исследовательские задачи, связанные с установлением трагических судеб многих солдат и офицеров, погибших в плену. Авторы книги демонстрируют, как, сопоставляя и анализируя информацию различных учётных документов, можно в деталях и подробностях (в отдельных случаях по дням) воссоздать историю жизни военнопленного с момента его пленения до гибели (S. 172).

18 Пожалуй, впервые авторы подробно осветили вопрос обращения в лагерях для советских военнопленных с больными и инвалидами. Последние, как говорилось выше, относились к числу подлежащих «отбору». По данным Отто и Келлера, полученным в результате расчёта процентного соотношения к общему числу советских военнопленных, ликвидированных в ходе «отбора», только с августа 1941 до конца июля 1942 г. в концлагерях на территории Рейха уничтожили более 3 тыс. больных и инвалидов (S. 95). Авторы книги ссылаются на многочисленные документальные свидетельства полного взаимопонимания

руководства вермахта и РСХА в вопросах отношения к этой категории военнопленных. «Отобранных» в ходе акции инвалидов и больных уничтожали, как правило, в лагерях СС за пределами Рейха. Формы и методы уничтожения были самыми разнообразными – расстрелы, газовые камеры, смертельные уколы.

¹⁹ Тем не менее нередко инвалиды и больные военнопленные просто выпускались из шталагов. В результате в поисках пропитания они оказывались предоставлены сами себе, зачастую присоединяясь к партизанским отрядам. Как пишут авторы, это послужило поводом для переписки между начальником штаба ОКВ В. Кейтелем и Гиммлером в сентябре 1942 г. Результатом общения на высшем уровне стала фактическая передача военнопленных-инвалидов в ведение СС, территориальные органы которой должны были отныне определять дальнейшую судьбу «неспособных к труду» (S. 97–98).

²⁰ Для размещения инвалидов и больных определялся лагерь военнопленных в составе концлагеря Майданек. Исследователи приводят установленные по различным источникам данные о перемещениях в этот лагерь из шталагов с мая 1943 по март 1944 г., о количестве инвалидов в лазарете лагеря с октября 1943 по май 1944 г. (S. 100). Накануне освобождения территории частями Красной армии значительную часть контингента этого лагеря перевели в Маутхаузен.

²¹ Попадая в Майданек, больные и инвалиды не теряли свой статус, продолжая находиться в ведении вермахта. Как подчёркивают исследователи, источники не дают прямого ответа на вопросы: почему вермахт хотел «освободиться» от инвалидов и больных? Какой интерес был к этой категории у Гиммлера? Как и почему военнопленные этого лагеря избежали участи инвалидов и больных, уничтоженных в результате «отбора»? Возможно, ответы «скрываются» в той части комплекса документов, который после освобождения лагеря оказался в руках советских войск и в настоящее время хранится в ЦАМО и РГВА, ожидая своего исследователя.

²² Авторы книги не обходят стороной и тему женщин в плену. «Женщины, выступающие в роли мужчин – такая картина не соответствовала как немецким взглядам на военную службу, так и собственно нацистской идеологии» (S. 251). Не оспаривая тяжких преступлений вермахта и СС в отношении женщин, которые на основании источников, сохранившихся в архиве Яд Вашем (Израиль), публицистически описал Шнеер, исследователи обратили внимание на то, что в немецкой историографии в этой связи часто цитируется приказ командующего 4-й армией генерал-фельдмаршала фон Клюге от 29 июня 1941 г. о том, что женщины в военной форме подлежат расстрелу, однако ничего не говорится о том, что уже 1 июля 1941 г. это распоряжение было определено как ошибочное и отменено. Далее выборочно цитируется приказ ОКВ от 6 марта 1944 г. о передаче женщин – советских военнопленных в ведение СС и СД (S. 253–254). В результате складывается ошибочное представление, что до этого времени с женщинами поступали так же, как и в первые дни войны.

²³ Отто и Келлер изучили проблему, опираясь в основном на приказы и распоряжения вермахта и РСХА по данному вопросу, а также на учётные документы лагерей военнопленных и концлагерей. Сохранившийся комплекс

материалов позволил им установить, что первая группа женщин-военнопленных – парашютисток – прибыла шталаг Люфт 2 Литцманштадт 12 сентября 1941 г. Краткие записи учёта не позволяют заметить принципиальных различий в обращении с женщинами, особенно если речь шла о «политических врагах» или евреях. Однако они позволяют проследить, что женщины-врачи, медсёстры, как правило, сохраняли статус военнопленных и направлялись в лазареты лагерей для таковых.

²⁴ Как свидетельствуют немецкие источники, использование женщин-военнопленных в качестве медицинского персонала рассматривалось скорее как вынужденная мера. Женщины как потенциальный источник активного и пассивного сопротивления вызывали недоверие у начальников шталагов. Отто и Келлер демонстрируют, что такие опасения были небезосновательны, поэтому стремление вермахта избавиться от женщин-военнопленных вполне совпадало с желаниями немецких учреждений, в свою очередь, получить больше рабочей силы. В результате, оказываясь в плену, советские женщины чаще получали новый статус – гражданских рабочих. Однако потеря статуса военнопленного у женщин также могла быть связана и с передачей в ведение гестапо. Исследователи предприняли попытку установить по сохранившимся источникам факты массовых перемещений женщин-военнопленных в концлагеря и последующие события, связанные их судьбой. Они называют и общее число перемещённых – около 2 тыс. человек (S. 265–270).

²⁵ Интересный подход авторы демонстрируют реконструируя события, связанные с фактами сопротивления в лагерях. В качестве основного источника вновь выступают учётные документы WaST и концлагерей. Упомянуто об организациях, деятельность которых уже исследовалась в литературе, в том числе Боевого содружества военнопленных (БСВ), подпольной организации в концлагере Бухенвальд, в лазарете шталага 304 (IV Н) Цайтхайм. Однако в центре их исследования малоизвестный сюжет – деятельность подпольной организации в лазарете Эбельсбах. С помощью документов учёта они определили состав группы, включавшей 500 человек, установив при этом тесную связь подпольной группы лазарета и БСВ.

²⁶ С целью более глубокого понимания системы авторы отдельно затронули вопросы отношения нацистов к военнопленным других национальностей, прежде всего к испанским (в том числе женщинам), найдя много общего, но одновременно отметив, что отношение к польским военнопленным-женщинам было вполне лояльным. Нацисты активно использовали в своей политике проблемы межнациональных отношений. По их мнению, эта тема требует тщательного изучения.

²⁷ Следует отметить, что авторы редко привлекали послевоенные воспоминания, избегая кровавых и жестоких описаний. Однако это несколько не снижает общего настроения книги. «Блок-схемы» исполнения акции «отбора» или операции «пуля», статистические таблицы, рисунки, фотографии, которые дополняют текст, наглядно демонстрируют заранее продуманную беспощадность изучаемой системы, производя ничуть не меньшее эмоциональное воздействие.

Отто и Келлер сформулировали новые подходы в изучении темы. Исследование нацистской системы уничтожения через детальное изучение учётных документов и страниц биографий конкретных людей позволяет наблюдать за её трансформациями, замечать возникающие «сбои» в её, на первый взгляд, до автоматизма налаженной работе, которая традиционно характеризуется словом «Ordnung». Исследователи очень взвешенно и объективно подошли к освещению темы «подвига и предательства». Смотри на проблему под углом зрения совместной преступной деятельности вермахта и РСХА, они на конкретных примерах продемонстрировали, что в условиях, созданных системой, подвигом можно считать уже сам факт сопротивления – индивидуального или коллективного, а переход на сторону «противника» далеко не всегда был актом доброй воли военнопленного.

С точки зрения оценки результатов научного исследования, книга вполне убедительна, поскольку в её основе кропотливый анализ массовых источников. Возможно, тот, кто ждёт от неё сенсационных открытий или хлёстких выводов и заключений, будет разочарован. Скорее это труд – «раздумье» о том, что историки могут сделать для исследования темы, учитывая особенности состава и содержания источников, имеющихся в их распоряжении. Погружаясь вместе с авторами в мир статистики, «порядка и хаоса» лагерного учёта, осознаешь, что именно здесь кроются истоки дискуссий о масштабах потерь, и колебания цифр возникают не только из-за различий в методиках подсчёта, а обусловлены зачастую информационными возможностями самих источников.

Монография Р. Отто и Р. Келлера является также ценным руководством для тех читателей, преимущественно российских, кто, прослеживая судьбы конкретных людей, пытается разобраться в видовом многообразии немецких документов, связанных с учётом военнопленных в Третьем рейхе. Она снабжена небольшим словарём терминов и понятий, употребляемых в делопроизводстве лагерей военнопленных и концлагерей.

Однако в работе недостаёт отдельной главы, посвящённой анализу источников, их составу, полноте, информационному потенциалу. Возможно, её наличие позволило бы подойти к решению некоторых дискуссионных вопросов, связанных с общей статистикой советского военного плена, а также пояснить читателю, как авторы получили те или иные статистические данные и почему отсутствует статистика по другим показателям, т.е. приоткрыть дверь в «творческую лабораторию исследователей».

Примечания:

1. Семиряга М.И. Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 19–33.
2. Об этом см.: Земсков В.Н. К вопросу об общей численности советских военнопленных и масштабах их смертности (1941–1945 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5. С. 103–112.
3. Полян П.М. Жертвы двух диктатур: остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе. М., 1996.; Polian P. Deportiert nach Hause. Sowjetische Kriegsgefangene im «Dritten Reich» und ihre Repatriierung (Kriegsfolgen-Forschung. Bd. 2.). Wien; München, 2001.
4. Шнеер А. Плен. Советские военнопленные в Германии 1941–1945 гг. М., 2005.

5. «Обречённые погибнуть»: судьба советских военнопленных-евреев во Второй мировой войне. Воспоминания, документы. М., 2006.
6. *Ерин М.Е.* Историография ФРГ о советских военнопленных в фашистской Германии // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 152–161.
7. *Streit Ch.* Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen. Stuttgart, 1978. Книга издавалась трижды. Последнее дополненное издание вышло в свет в 1997 г.
8. *Streim A.* Sowjetische gefangene in Hitlers vernichtungskrieg. Berichte und dokumente 1941–1945. Heidelberg, 1982.
9. О количестве исследований по теме можно судить, проанализировав списки литературы в монографии Штрайта (*Streit Ch.* Keine Kameraden.... Bonn, 1997. С. 426–436), а также в рецензируемой книге (С. 332–346).
10. *Ерин М.Е.* Историография ФРГ о советских военнопленных... С. 152.
11. *Streit Ch.* Keine Kameraden... Stuttgart, 1978. С. 18.
12. См. об этом: Narben bleiben: die Arbeit der Suchdienste. 60 Jahre nach dem Zweiten Weltkrieg. Kassel 2005; *Киселева Е.Л.* Миллионы документов – миллионы судеб: размышления и впечатления о поездке в Международную службу розыска в Германии // Отечественные архивы. 2017. № 3. С. 132–138.
13. *Hüser K., Otto R.* Das Stammlager 326 (VI K) Senne 1941–1945. Sowjetische Kriegsgefangene als Opfer der Nationalsozialistischen Vernichtungskrieges. Bielefeld, 1992; *Osterloh J.* Ein ganz normales Lager. Das Kriegsgefangenen – Mannschaftsstammlager 304 (IV H) Zeitheim bei Riesa (Sa.) 1941–1945. Leipzig, 1997; *Mai U.* Kriegsgefangen in Brandenburg. Stalag III A in Lückental. Berlin, 1999; *Hammermann G.* Sowjetische Kriegsgefangene im KZ Dachau // Einvernehmliche Zusammenarbeit? Wehrmacht, Gestapo, SS und sowjetische Kriegsgefangene. Berlin, 2008. С. 91–118; *Ibel J.* Sowjetische Kriegsgefangene im KZ Flossenbürg. Rekonstruktion der Verbrechen mithilfe der Häftlingsdatenbank // Einvernehmliche Zusammenarbeit?.. С. 119–157; *Keller R., Otto R.* Sowjetische Kriegsgefangene in Konzentrationslagern SS. Ein Überblick // Einvernehmliche Zusammenarbeit?.. С. 15–43; *Steegmann R.* Das Konzentrationslager Natzweiler-Struthof und seine Außenkommandos an Rhein und Neckar 1941–1945. Straßburg, 2010; KZ-Gedenkstätte Neuengamme: Wehrmacht und Konzentrationslager. Beiträge zur Geschichte der nationalsozialistischen Verfolgung in Norddeutschland. Heft 13. Bremen, 2012.
14. *Keller R., Otto R.* Das Massensterben der sowjetischen Kriegsgefangenen und die Wehrmachtbürokratie. Unterlagen zur Registrierung der sowjetischen Kriegsgefangenen in deutschen und russischen Institutionen // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1998. № 57 (Heft 1). С. 149–180. *Keller R., Otto R., Nagel J.* Sowjetische Kriegsgefangene in deutschem Gewahrsam 1941–1945 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2008. Heft № 4. С. 557–597.
15. *Киселева Е.Л.* Судьбы военнопленных Второй мировой войны: круг источников расширен // Отечественные архивы. 2012. № 1. С. 29–34.
16. *Ерин М.Е.* Историография ФРГ о советских военнопленных... С. 153.
17. *Streit Ch.* Keine Kameraden... Bonn, 1997. С. 117–127.
18. *Streit Ch.* Sozialpolitische aspekte der behandlung der sowjetischen Kriegsgefangenen // Zweiter Weltkrieg und sozialer Wandler. Achsenmächte und besetzte Länder. Göttingen, 1981. С. 184.
19. *Streit Ch.* Keine Kameraden... Bonn, 1997. С. 83–87, 88.
20. В специальном разделе книги «Основные термины» (Glossar) авторы поясняют, что термин «Russenslager» использовался в немецких документах для обозначения шталагов, где содержались только советские военнопленные. Они существовали, по сути, только до начала 1942 г. К их числу относился, например, шталаг 304 Цайтхайм в Саксонии и шталаг 326 Зене в Вестфалии (*Otto R., Keller R.* Sowjetische Kriegsgefangene... С. 328–329).
21. Авторы обращают внимание на неполноту данных по отдельным концлагерям: например, на отсутствие данных о результатах акции по концлагерю Ноенгамме, на невозможность установить обстоятельства смерти военнопленных в документах Маутхаузена (*Otto R., Keller R.* Sowjetische Kriegsgefangene... С. 133, 136, 139, 145).

Библиография:

1. Семиряга М.И. Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 19–33.

2. Об этом см.: Земсков В.Н. К вопросу об общей численности советских военнопленных и масштабах их смертности (1941–1945 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5. С. 103–112.
3. Полян П.М. Жертвы двух диктатур: остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе. М., 1996.; Polian P. Deportiert nach Hause. Sowjetische Kriegsgefangene im «Dritten Reich» und ihre Repatriierung (Kriegsfolgen-Forschung. Bd. 2.). Wien; München, 2001.
4. Шнеер А. Плен. Советские военнопленные в Германии 1941–1945 гг. М., 2005.
5. «Обречённые погибнуть»: судьба советских военнопленных-евреев во Второй мировой войне. Воспоминания, документы. М., 2006.
6. Ерин М.Е. Историография ФРГ о советских военнопленных в фашистской Германии // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 152–161.
7. Streit Ch. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen. Stuttgart, 1978. Книга издавалась трижды. Последнее дополненное издание вышло в свет в 1997 г.
8. Streim A. Sowjetische gefangene in Hitlers vernichtungskrieg. Berichte und dokumente 1941–1945. Heidelberg, 1982.
9. О количестве исследований по теме можно судить, проанализировав списки литературы в монографии Штрайта (Streit Ch. Keine Kameraden.... Bonn, 1997. S. 426–436), а также в рецензируемой книге (S. 332–346).
10. См. об этом: Narben bleiben: die Arbeit der Suchdienste. 60 Jahre nach dem Zweiten Weltkrieg. Kassel 2005; Киселева Е.Л. Миллионы документов – миллионы судеб: размышления и впечатления о поездке в Международную службу розыска в Германии // Отечественные архивы. 2017. № 3. С. 132–138.
11. Hüser K., Otto R. Das Stammlager 326 (VI K) Senne 1941–1945. Sowjetische Kriegsgefangene als Opfer der Nationalsozialistischen Vernichtungskrieges. Bielefeld, 1992; Osterloh J. Ein ganz normales Lager. Das Kriegsgefangenen – Mannschaftsstammlager 304 (IV H) Zeitheim bei Riesa (Sa.) 1941–1945. Leipzig, 1997; Mai U. Kriegsgefangen in Brandenburg. Stalag III A in Lückenwalde. Berlin, 1999; Hammermann G. Sowjetische Kriegsgefangene im KZ Dachau // Einvernehmliche Zusammenarbeit? Wehrmacht, Gestapo, SS und sowjetische Kriegsgefangene. Berlin, 2008. S. 91–118; Ibel J. Sowjetische Kriegsgefangene im KZ Flossenbürg. Rekonstruktion der Verbrechen mithilfe der Häftlingsdatenbank // Einvernehmliche Zusammenarbeit?.. S. 119–157; Keller R., Otto R. Sowjetische Kriegsgefangene in Konzentrationslagern SS. Ein Überblick // Einvernehmliche Zusammenarbeit?.. S. 15–43; Steegmann R. Das Konzentrationslager Natzweiler–Struthof und seine Außenkommandos an Rhein und Neckar 1941–1945. Straßburg, 2010; KZ-Gedenkstätte Neuengamme: Wehrmacht und Konzentrationslager. Beiträge zur Geschichte der nationalsozialistischen Verfolgung in Norddeutschland. Heft 13. Bremen, 2012.

12. Keller R., Otto R. Das Massensterben der sowjetischen Kriegsgefangenen und die Wehrmachtbürokratie. Unterlagen zur Registrierung der sowjetischen Kriegsgefangenen in deutschen und russischen Institutionen // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1998. № 57 (Heft 1). S. 149–180. Keller R., Otto R., Nagel J. Sowjetische Kriegsgefangene in deutschem Gewahrsam 1941–1945 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2008. Heft № 4. S. 557–597.

13. Киселева Е.Л. Судьбы военнопленных Второй мировой войны: круг источников расширен // Отечественные архивы. 2012. № 1. С. 29–34.

14. Streit Ch. Sozialpolitische Aspekte der Behandlung der sowjetischen Kriegsgefangenen // Zweiter Weltkrieg und sozialer Wandel. Achsenmächte und besetzte Länder. Göttingen, 1981. S. 184.

15. Streit Ch. Keine Kameraden... Bonn, 1997. S. 83–87, 88.

From comprehension of the system to reconstruction of a separate fate: About the book of R. Otto and R. Keller «Soviet prisoners of war in the system of concentration camps»

Ekaterina Kiseleva

State Archive of the Russian Federation

Russian Federation, Moscow

Abstract

Keywords:

Date of publication: 24.06.2020

Citation link:

Kiseleva E. From comprehension of the system to reconstruction of a separate fate: About the book of R. Otto and R. Keller «Soviet prisoners of war in the system of concentration camps» // Rossiiskaia istoriia. – 2020. – Issue 3 С. 210-217 .

URL: <https://russian-history.ru/s086956870010160-7-1/>. DOI: 10.31857/S086956870010160-7